

БЕЗ ГЛЯНЦА

Оперная труппа Большого театра на 45-м Эдинбургском международном фестивале искусств

Наталья ШАДРИНА.

Не в обычном «гастрольном» настроении отправилась на этот раз оперная труппа Большого на Эдинбургский фестиваль. День вылета — 19 августа, как известно, совпал с началом путча в Москве. Люди были ошеломлены, растеряны, не знали, что подумать. Тревога о доме, о том, что происходит в Москве, стала преобладающим чувством. А чувством это не могло и не должно было найти выход в спектаклях, вошедших в гастрольную программу, — ни в «Евгении Онегине», ни тем более в «Ночи перед Рождеством».

«Безуслубо», «Хованщина», показанная на прошлой неделе Кировской оперой в этом же театре (театре «Плейхаус» — И. Ш.), сейчас, после того, как произошел переворот, воспринималась бы иначе, ибо неизбежно возникла бы параллель с нынешними московскими событиями. Опера Чайковского «Евгений Онегин», в основу которой положен роман в стихах Пушкина, не рождает подобных ассоциаций, — было написано в рецензии на спектакль, помещенной в газете «Глазго геральд». — Это произведение — для сентиментальных натур. Но поскольку известная доля сентиментальности есть во всех нас, оно всегда будет притягательным». Прием, который был оказан спектаклю, как нельзя лучше подтвердил справедливость этих слов.

Работа есть работа — надо было выступать и всю сиюю боль оставить за кулисами. Там она и оставалась, с публикой ею не поделившись. И, как отметил один из рецензентов, «Евгений Онегин» понравился зрителям, принимавшимся аплодировать при каждом удобном случае. А другой посетовал, что и при неудобном тоже, переключая музыку и мешая артистам.

Ну, а что касается самих критиков, то они, конечно, отнеслись к постановке не столь однозначно. «Живопис в качестве декораций, расставленные сопрано, величественные басы, крошечный набор русских опер в репертуаре, публика из числа туристов и партийных деятелей — такое мнение о советском оперном театре бытовало на Западе, сложившись еще со времен Второй мировой войны, пока гласность не изменила все это, по крайней мере, в ленинградском Кировском и в Большом в Москве... Большой привозит новую постановку «Онегина» (предыдущая была осуществлена в 1944 году), в которой попытка применить себя к современным вкусам Запада» («Обсервер»). Вот таким суждением о происшедших изменениях в жизни театра предвещали его выступления на фестивале. Было ли найдено ему подтверждение? Судя по тому, что появилось в прессе после показа спектакля (так же как и «Ночь перед Рождеством», он прошел два раза), — и да, и нет.

«На первый взгляд кое-что изменилось. Раскрашенные поверхности наконец потеснены. В самом деле, декорации Валерия Левентяна довольно хороши. Та, что используется в первом акте, представляет собой изобретательно задуманную и выполненную конструкцию. Центр ее — лестница и веранда, по бокам — замкнутые пространства, по ходу действия с легкостью превращающиеся из внутренних дворов в спальни. Нервное, «непросто» освещение в сцене в саду — очень хорошая идея, правда, она грубо воплощена. То же можно сказать и о работе в целом художника по свету Павла Волбенкова. Прежние не пригодные уже костюмы также ушли в прошлое, их заменили весьма привлекательные новые. Но за этим, столь многообещающим новым фасадом видны и старые, не желающие отмирать привычки» («Санди таймс»). К «нехорошим» при-

вычкам критик относит отсутствие у артистов ясного представления, как играть свои роли, использование шаблонного, стереотипного набора выразительных средств.

Но был продемонстрирован и другой взгляд на «взаимоотношения» старого и нового. Борис Покровский предложил «несколько нетрадиционных решений». Так, ни в той, ни в другой балльной сцене на самом деле не танцевали. Вечер в доме Лариной сопровождался шумными буквописными играми, а полонез был «пробит» с полным чувством собственного достоинства профессионализмом. Сцена письма Татьяны превратилась в монолог героини, причем она «блуждала» по дому, а письмо как бы писало само по себе. Но в остальном это была простая и ясная постановка» («Индепендент»).

Сцену письма многие рецензенты сочли излишне новаторской. Некоторые так же восприняли и финал спектакля, но в целом он получил одобрение. «Наиболее впечатляющая заключительная сцена с ее полумой и занавесами, описывающими над вечерней зарей. «Затнанные в угол» зловещей судьбы, Татьяна и Онегин сидят в круге света и поют о своей любви, он с потерянными, отсутствующим видом, она исполнена горя и отчаяния. Наконец, декорации, до того перегружавшие эту постановку Большого, достигают необходимого эффекта, и последний дуэт приобретает дополнительную красоту и драматизм благодаря подчеркнутости простоте изобразительного решения» («Глазго геральд»).

Музыкальная сторона спектакля таких противоречивых оценок не вызвала. Напротив, тут как раз было проявлено единодушие. «Богатством тембральных красок и мощью, продемонстрированными оркестром, он обязан Александру Лазареву, который дирижирует оперой с обаяющей страстью, хотя и соблюдая все необходимые для того, чтобы пережить дыхание, паузы. Музыка Чайковского по-прежнему могла произвести впечатление камерной и элегичной, но она была исполнена без свойственного западной манере глянца, не обобщенно, а с четко выраженным характером» («Обсервер»).

Немало добрых слов было сказано и в адрес певцов и хора. «Богатой, насыщенной красками» счит «палитру голоса Нины Раути» (Татьяна) рецензент газеты «Таймс». По его мнению, «этот голос бросает себя вверх из самой «преисподней» так стремительно, как способны только славянские сопрано». Владимир Релькин, выступивший в заглавной роли, умеет приковать к себе внимание и обладает величественным голосом — сильным, но «независимым». Если бы он последовательнее передавал чувства, владеющие его героем, что ему время от времени удавалось в конце спектакля, он мог бы стать непревзойденным Онегиным» («Санди таймс»). «В вокальном отношении эти двое: Павел Черных — эзегантный Онегин и Мария Гаврилова в партии Татьяны, молодая певица по-видимому, не имеющая большого опыта выступлений в больших ролях, — превосходны. Жаль, что у Эдинбурга была возможность услышать их только раз» («Глазго геральд»).

Аркадий Мишенькин в роли Ленского произвел впечатление на того же критика из «Таймса» «напористой, первобытной силой и страстью». «Госпожа Ларина (Людмила Сергиенко) время от времени также поет и Татьяну, а в репертуаре у Филиппины (Людмила Нам) есть партия Розины — подобное в практике

оперного театра встречается нечасто. С Ольгой — Еленой Зарембой, такой живой и искрящейся, и великолепно звучащим хором начальная сцена в вокальном отношении была ошеломляющей» («Индепендент»). «Глеб Никольский, появляющийся в последнем акте, придает большую вес арии Греммина. Его голос красив не той красотой, к которой привыкли на Западе. Это широкий, открытый, «песчаный» русский бас с взрывными согласными, и он вносит дополнительные — волшебные — оттенки в лирическую окраску партии» («Обсервер»). «Большинство второстепенных партий — таких, как, например, коварный Заречный в исполнении Николая Низиенко, — были сделаны очень хорошо» («Скотсмен»).

Составляя программу для показа на Эдинбургском фестивале, руководство театра сделало ставку на молодых певцов. И не прогадало. Они понравились и, судя по всему, запомнились. «Считается, что «Онегин» — слишком хрупкая, камерная вещь для оперной сцены. Она не оказалась таковой в исполнении этих замечательных молодых певцов» («Индепендент»).

«Услышав оперу Чайковского на полиномном выразительном русском языке было особым наслаждением. (Над сценой шли титры для тех, кто в них нуждается). Великолепие этой работы редко опускалось ниже подобной оценки». Это мнение, высказанное на страницах газеты «Скотсмен», возбуждало. Объединив свои голоса, критики в итоге общий голос отдали Большому театру, присудива приза второй фестивальной недели по разделу «Музыка».

Рецензии на спектакль «Ночь перед Рождеством» пришли в Москву перед самым выходом статьи, которую я написала для «Культуры», и потому, к сожалению, мне не удалось привести в ней подробные отзывы прессы об этой постановке. Зато есть такая возможность теперь.

«По стечению обстоятельств — не такому уж странному, судя по тому, как развиваются события последней недели, Большая опера показала в Эдинбурге «Ночь перед Рождеством» — украинскую оперу Римского-Корсакова а тот самый день, когда парламент Украины отдал свои голоса за независимость республики. Новая постановка Александра Тителы, задуманная как рождественский подарок Москве в 1990 году, здесь, таким образом, превратилась в торжество в честь этого события» («Таймс»).

Работа режиссера и художника постановщика — Александра Тителы и Валерия Левентяна, хоть и получившая ряд критических замечаний, в основном понравилась. «Волшебное голосовое сказку с ее невероятным нагромождением чудес, с колдуном, ведьмой, чертом, с казаками, с непревзойденными молодыми влюбленными, положенным на музыку (очаровательную, хотя и «не великую») Н. Римским-Корсаковым с присутствием ему языканности. Большой поставил со всей присущей ему пышностью. Темное, мерцающее, искрящееся звездами убранство создает на сцене волшебную таинственную атмосферу, которая остается неизменной на протяжении всего спектакля. А «летающая» декорация сама по себе — виртуозное произведение искусства» («Глазго геральд»).

«Многие комические сцены на западный вкус несколько тяжеловесны. Но если бы «прикосновению» к ним было более легким, постановка могла бы превратиться в настоящее рождественское представление. Передний занавес бесподобно красив. Приличные домишки заснеженной де-

(Окончание на 4-й стр.).